

**БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК В БОГОСЛУЖЕБНОЙ
ПРАКТИКЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ БЕЛАРУСИ**

Обсуждая любой из вопросов, касающихся отношения Церкви к современному белорусскому языку, прежде всего следует учитывать, что лишь заинтересованные в провоцировании социально-культурных противоречий лица могут подавать их как “горячие”. На самом деле они просто горячечные, т.е. вызванные затянувшейся горячкой злободневной политики, в которую определенным силам очень хотелось впутать Православную Церковь.

Между тем, как в прошлом, так и в настоящем действительно дают о себе знать коллизии, обусловленные статусом белорусского языка вообще, функционированием его в различных сферах. А Церковь, хотя и является отделенной от государства, вовсе не отгорожена от потребностей и забот граждан этого государства как своей паствы. Прежде всего она никак не может и не должна уклоняться от участия в процессах, которые связаны с сохранением отеческой веры, духовных традиций, исторического и языкового самосознания, т.е. главных свойств белорусскости на данном этапе. Соответственно, Белорусская Православная Церковь, т.е. Экзархат РПЦ, сама инициировала создание Белорусской Библейской Комиссии (ББК) и подготовку современного перевода Священного Писания (СП), добровольно приняв на себя обязанность реагировать на требования, обусловленные актуализировавшимися культурно-языковыми проблемами общества и перспективами их разрешения. Но таким образом оказалась косвенно вовлеченной и в текущие общественно-политические процессы. Надеюсь, разумеется, на то, что созидательные их тенденции будут корректировать и стимулировать деятельность данной Комиссии. Вот каковы

условия, в которых нашей Церкви пришлось решать все касающиеся национального языка вопросы – и реально сложные, и надуманные, “перестроечные” .

Общеизвестно, что проблема “Церковь и национальные языки” появилась не у белорусов первых и не сегодня. Однако ситуацию с белорусским языком в Церкви действительно следует признать, мягко говоря, не совсем типичной. И своеобразие ее в том, что белорусский язык до сих пор ни для одной конфессии в полном смысле языком Церкви – т.е. единственным, незаменимым, прочно закрепленным в богослужебной практике и надлежаще разработанным – никогда не был и не является.

Некоторые устремления этого плана на протяжении последних ста лет время от времени проявлялись. Однако это явления окказиональные, не имевшие характера универсального, всеобщего для нации, даже для какой-то отдельного вероисповедания. Они предопределялись конкретным, но противоречивым в каждом отдельном случае по-своему, положением той или иной конфессии. В частности, для Православной Церкви изначально иными были условия Белоруссии Восточной по сравнению с Белоруссией Западной, оказавшейся в составе Польши; к тому же, понятно, в Речи Посполитой не были они одинаковыми для католиков и православных; после воссоединения, особенно с конца 1950 годов, многое предопределялось политикой БССР как части государства, в котором обещано показать миру “последнего попа” – естественно, вместе с последним верующим; нельзя не учитывать также особенности тех ориентаций, которые навязывались в Республике Беларусь сразу после обретения суверенитета. Конкретно-историческое содержание вопроса “национальный язык и Церковь”, конечно же, было разным и с точки зрения социолингвистики: одно дело – в начале XX века, когда только оформлялась кодификация белорусского литературного языка; другое – в 1920-1930-е годы, когда в БССР завершился процесс “белоруссизации” общества практически уже без Церкви, а в Польше – полным ходом шла “полонизация” Православия; свои особенности

свойственны 1990-м годам, когда навязывалась идеология, в соответствии с которой главным ориентиром считалось отмежевание от России и всего, что с ней ассоциируется; иначе складываются обстоятельства в XXI столетии, когда наступило уже некоторое отрезвление.

Так что с момента своего создания ББК вынуждена была весьма осмотрительно реагировать на актуальные условия и на упорные призывы – кстати, адресуемые исключительно Церкви Православной, – чтобы она безотлагательно белоруссизировалась, автономизировалась... Доводится констатировать, что требования эти являлись не чем иным, как проявлением радикализма, мировоззренческой поверхностности и безответственности. Причем исходили они чаще всего от тех, кто для себя отводил место “вне” Церкви либо “над” ней, а иными словами – тех, кто к Церкви равнодушен, если не враждебен. Короче говоря, мы имели дело не столько с объективной, обусловленной внутренними закономерностями, актуализацией определенных вопросов, сколько со стимуляцией их “извне”, а нередко и с провокационным вовлечением в политические процессы.

Потому вполне закономерно, что по-настоящему воцерковленные миряне, тем более священнослужители, видя и понимая все это, активизировали защиту традиции, а также защиту – в их понимании – Церкви, которая до последнего времени пребывала под гнетом тех, кто декларировал аналогично: “Переход на русский язык богослужения признать чрезвычайно ценным приобретением культовой реформы и неуклонно проводить его как могучее орудие раскрепощения верующей мысли от магизма слов и отогнания суеверного раболепия перед формулой” [1].

Защитные реакции вызывало противопоставление неоновленцев традициям и нормам благочестия. Из-за этого в основном заявлялось решительное “нет!” реформаторскому радикализму, а уже вместе с ним и белорусскому языку в богослужебной практике. Как обычно, конструктивное и перспективное – не в крайностях. Поэтому наиболее отвечающей тогдашнему и нынешнему состоянию белорусского общества может

считаться вот такая позиция: “... Мы, православные белорусы, не отказываемся от родного языка. Надо приложить все усилия, чтобы он обогатился всеми достоинствами, совершенством языка церковнославянского и стал рядом с ним; не заменял ни в коем случае, а соседствовал” [2]. Именно такой подход – с надлежащей осмотрительностью, ответственностью и последовательностью – осуществлялся и осуществляется Православной Церковью Беларуси.

Однако в массовом сознании долго держались и даже укреплялись стереотипы, возникшие за церковной оградой из-за неосведомленности или намеренной тенденциозности тех, кто запускал в оборот и распространял утверждения типа: “У нас нет своих переводов Священного Писания”; “Только в Белорусской Автокефальной Православной Церкви богослужения совершаются по-белорусски” и т.п. А поскольку у “масс”, что называется, реальных представлений о делах этого рода практически не существовало, то ББК, помимо прочего, вынуждена была прилагать значительные усилия, чтобы преодолеть обвинительные стереотипы, которые запускались для дискредитации Церкви, а также дезориентации массового общественного сознания в целом. Первоочередная задача заключалась в том, чтобы словом и делом опровергнуть обвинение в адрес Православной Церкви Беларуси, что именно она антинациональная. На здравый ум, тот, кто его использует, должен был бы в таком случае всех убедить, что национальным является Христианство вообще, а также римо-католичество, греко-католичество, протестантизм в частности. И сделать это на примерах, скажем, Америки, Австралии, Африки или хотя бы Австрии, Бельгии, Швейцарии. Помимо этого следовало показать, что паству РПЦ (по всей России, а также в Беларуси, Украине, Молдове, Казахстане...) составляют исключительно русские по национальности и родному языку, а с другой стороны – что в РБ проживают одни лишь белорусы. Не менее существенно, поскольку особое значение придается языковому аспекту, что в этом пропагандистском послыле как бы само собой подразумевалось, будто все остальные Церкви испокон

веков пользуются в богослужениях современными национальными языками... Несмотря на то, что такие шаблонные обвинения исходно абсурдны, в поглощавшей нас пиар-цивилизации они довольно широко распространились, достигая уровня весьма серьезного, уже в планах общекультурном и международно-политическом: “Православная Церковь в Беларуси исконно является русифициционной, к тому же и сейчас активно продолжает русификацию, служит интересам России”. Сами по себе нейтрализовываться подобные декларации не могли, хотя подкреплялись опять-таки не чем иным, как надуманными обвинениями: дескать, “Патриархия и Белорусский Экзархат РПЦ запрещают использование языка коренного и титульного в государстве народа”.

Что это не соответствует истине, можно подтвердить множеством неопровержимых фактов и конкретных результатов деятельности упомянутой выше ББК, которая переводила на современный белорусский язык СП, выполненные переводы издавала и распространяла, да и все здоровые устремления по утверждению национальных основ поддерживала. Проблема востребованности употребления белорусского языка в Церкви неоднократно обсуждалась на Синоде БПЦ с позиции, которую возглавлявший Синод митрополит Филарет формулировал однозначно таким образом: “Если в определенных условиях даже двое верующих желают, чтобы для них тот или иной церковный чин совершался по-белорусски, надо удовлетворить их желание”. И это стало, можно сказать, официальной установкой, которая выполнялась. Естественно, по мере надобности. Так, к примеру, в Свято-Петро-Павловском соборе столичного города Минска на протяжении уже более пятнадцати лет совершается еженедельно (по субботам) белорусскоязычная Литургия, а по средам на белорусском языке служитя молебен и акафист Виленским мученикам; по воскресеньям и великим праздникам во время Литургии читается Евангелие по-славянски и по-белорусски. Причем весь клир этого храма (9 иереев и 4 дьякона) поочередно задействован в этом. Да и в других православных храмах

республики, по желанию верующих, совершаются на белорусском языке крещения, венчания, отпевания, панихиды. Белорусскоязычные богослужения регулярно проходят также в храме свв. Кирилла и Мефодия на бывшем теологическом факультете Европейского университета (сейчас – Институте теологии Белгосуниверситета). В Экзархате имеется значительное число священников, которые, при необходимости, на современном национальном языке совершают богослужения и проповедуют. А Минские Духовная Семинария и Академия обеспечивают надлежащую подготовку: в названных духовных школах не только преподается белорусский язык как учебный предмет, но по-белорусски читается ряд лекционных курсов.

Еще раз подчеркнем: все это упоминается нами ради того, чтобы показать предвзятость стереотипов, навязываемых по причине неадекватного понимания роли национального языка в Церкви вообще и переводов СП в частности. Чтобы понять переводческие установки ББК, следует вспомнить об основном прототипе – славянском Кирилло-Мефодиевском переводе. Общеизвестно и неоспоримо, что он возник прежде всего ради использования в богослужениях и в миссионерской деятельности, как функций первичных, а все остальные функции обрел уже позднее, закономерно. А что получалось в нашем случае? Рассмотрим по порядку, начав с информации, которая обычно удивляет: белорусы на родном языке имеют переводов Священного Писания больше, чем многие народы мира; при том, что языки церковнославянский и русский для белорусов также вовсе не чужие. Тем не менее, на современном белорусском языке, кодифицированном только в XX веке, существует сейчас 18 выполненных и более или менее полно изданных переводов Нового Завета, 2 перевода (Я.Станкевича с М.Гитлиным и В.Сёмухи) Библии полностью и еще 1 (В. Чернявского) почти полностью. Некоторые из них выходили довольно большими для Беларуси тиражами: Евангелие от Матфея в переводе Библейской Комиссии – 50 тысяч; в переводе В. Сёмухи Новый Завет – 5,7 тысяч и Библия полностью – 10 тысяч; Четвероевангелие в

переводе Гадлевского имело два издания, в 1938 и 1998 гг., по несколько тысяч. Кроме этого на белорусском языке имеется “Детская Библия” в анонимном переводе, а также своеобразные пересказы СП, выполненные Ильдефонсом Бобичем, Сергием Павловичем, Винцентом Гадлевским, владыкой Афанасием Мартосом, Язепом Германовичем, Владимиром Липским, Максимом Климковичем и Мирославом Шайбаком, о.Павлом Боянковым и Леонидом Качанко, а в дополнение еще и фрагмент перевода на западно-полесский диалект, осуществленный Федором Климчуком.

Упомянутое может склонять к выводу, что для культуры и для просвещения сделано если не все, то почти все нужное. Но так ли это? Скорее, нет.

Дело в том, что, подобно богослужбной, все остальные функции белорусскоязычных переводов СП ограничены, а значит и неполноценны. К тому же они исходно разделяются и разводятся, как будто могут осуществляться каждая сама по себе, хотя вследствие природы своей должны оставаться неразрывными. Более всего это касается сопряжения функций миссийной с богослужбной: тот перевод Благой Вести, который не предназначается для использования в Храме Божьем, нельзя считать полноценным и для осуществления евангелизационной миссии. Иначе говоря, в идеале язык перевода предопределяется языком богослужения.

Между тем, отсутствие либо ограниченное присутствие белорусских переводов СП в богослужбном употреблении соответствующим образом влияет на утверждение их как полноценных явлений национальной культуры. Ведь недопустимо, просто кощунственно текст Нового Завета воспринимать как обычное “чтиво” и приравнивать, скажем, к старым хроникам, повестям либо поэмам, а тем более к современным романам, которые – как тексты – имеют если не самодостаточность, то известную автономность. Да и просветительская функция переводов СП напрямую зависит от распространенности, использования в сфере собственно религиозной, в ее практике. А о каком просвещении-просветлении может

идти речь, если не признается и не осознается Божественная природа Света? Филологическую функцию белорусских переводов СП тоже нельзя оценить однозначно. Уже потому, что они не имели и не имеют должного значения в кодификации языка, не повлияли на развитие стилей его и даже не способствуют развитию соответствующей единой терминологии.

А здесь мы должны вернуться к коллизиям культурно-исторического развития, в частности – к вопросу насчет объективной востребованности переводов той или иной эпохой и, соответственно, значения белорусского языка для миссии вообще.

*

Чтобы должным образом все осмыслить, подчеркнем сразу, что история переводов СП на территории нынешней Беларуси также имеет ряд существенных особенностей, которые нужно учитывать.

Во-первых, это весьма значительное число подвизавшихся на белорусских землях “книгописцев”, так или иначе адаптировавших переводы кирилло-мефодиевской традиции к особенностям локального варианта книжного языка. Из сохранившихся такого рода текстов следует указать, например, *Евангелия* – Туровское (XI в.), Полоцкое (XII в.), Оршанское (XII-XIII в.), Лавришевское, Пинское, Мстижское (XIV в.), Друцкое, Волковысское, Кобринское, Лемешевичское и Слуцкое (XVI в.), Жуховицкое (XVII в.) и *Псалтири* – Мстиславская /Смоленская (1395), Витебская (1492), Пинская (1543). Немаловажно и то, что существовал названный позднее «белорусским» *свод Библии*, который составили Матфей Десятый (1502-1507 гг.) и диакон Федор (1514). Кроме того, в XVI в. на территории Великого Княжества Литовского осуществлен – кем, не установлено – перевод *11 книг Ветхого Завета*. Имеются также сведения, что на «простой язык» в то же примерно время переводил СП архимандрит Супрасльского монастыря Сергей Кимварь.

Во-вторых, восточнославянские первопечатники – Франциск (Георгий) Скорина, Иван Федоров и Петр Мстиславец – по своему происхождению и

по месту деятельности связаны с Белой/ Литовской/ Западной Русью. Так, благодаря Ивану Федорову и Петру Мстиславцу в этих краях печатались *Евангелие Учительное* (Заблудов, 1568/9), *Псалтирь с Часословцем* (Заблудов, 1569), *Псалтирь* (Вильно, 1575), *Псалтирь* и *Новый Завет* (Острог, 1580). В XVI-XVII вв. на белорусских землях имелось более десятка типографий. Неоценимо, конечно же, значение изданного в 1581 году в Остроге, – городе, который был тогда в пределах единой для нынешних белорусов и украинцев государственной и канонической территории – полного славянского текста *Библии*, который включал исправления, изменения ранее известных редакций. Широко известна деятельность Георгия-Франциска Скорины, который сначала основал типографию в Праге, где на старо(бело)русском языке, со своими предисловиями и послесловиями, издал *Псалтирь* и *22 книги Библии* (1517-1519), а затем, перебравшись в Вильно, напечатал «Малую подорожную книжицу», включавшую *Псалтирь* (1522) и «*Апостол*» (1525).

Вообще, сама за себя говорит конкретная адресность, формулировавшаяся издателями СП на белорусских землях: «Людем посполитым к доброму научению» – пражская *Библия* Скорины; «ради простых людей преложити на простую мову» – заблудовское *Евангелие Учительное*. Разумеется, корректными должны быть подходы к вопросу о языке рассматриваемых рукописных и печатных текстов, особенно в связи с безоговорочно употребляющимися ныне определениями «язык белорусский», «язык украинский» даже если речь идет о древних памятниках, тогда как по отношению к языку книжности на белорусских землях вплоть до XVIII в. единственно правомерным, на наш взгляд, остается термин «западно-русская редакция церковнославянского языка». В связи с этим, ставя вопрос о белорусских переводах СП, следовало бы разграничивать: а) те переводы, которые допустимо считать белорусскими, поскольку они выполнены этническими (пра)белорусами либо на территории современной Беларуси; б) те переводы, которые уместно

называть белорусскими, т.к. они на языке исторически принадлежащего белорусскому народу фонда культуры и письменности; и в) те переводы, что осуществлены на язык собственно белорусский, т.е. кодифицированный, как уже отмечалось, в новейшее время.

Дополнительно упомянем, что в неодноязычной и разноконфессиональной ситуации ВКЛ после унии с Польшей сложились условия, стимулировавшие переводы СП на старопольский язык, а также издание их. Заметным фактом является финансировавшееся протектором кальвинизма на белорусских землях Николаем Радзивилом Черным польскоязычное издание *Библии* (Брест, 1563), которое послужило основой для более поздних переводов Симона Будного, Лаврена Кришковского, Мартина Чеховича, а также для издания польской *Библии* (Гданьск, 1632). Собственно, в тех условиях активизировался протестантизм – как явление переходное в плане вероисповедном и этноязыковом. Так, С. Будный издал «для простых людей языка русского» в своем переводе *Катехизис* Мартина Лютера и собственный трактат «Об оправдании грешного человека пред Богом» (Несвиж, 1562), а затем *Библию* перевел и издал на польском языке (Несвиж, 1570; Несвиж, Заславль, 1570-1572), в его же переводе польскоязычный *Новый Завет* выходил отдельно (Лоск, 1574, 1589). Из протестантов на старо(бело)русский язык *Новый Завет* частично перевел (около 1580 г.) Василий Тяпинский.

С середины XVII и вплоть до начала века XX в., когда сложились предпосылки для национально-государственного самоопределения белорусов и оформления самостоятельного их языка, значимых фактов, связанных с переводом СП, нет.

А вот с 1920-х годов результаты, на первый взгляд, впечатляющие, о чем сказано выше. При этом, однако, до последнего времени отсутствовал не только перевод общепринятый для всех белорусов, но и приемлемый для использования в богослужебной практике какой-то отдельной конфессии. Даже если судить по титулам изданий имевшихся переводов, трудно

признать, что они на одном языке того же времени, поскольку существенно отличаются как принципами отношения к “первотексту”, так и графикой (кириллица – латиница), орфографией, особенно же традициями в передаче основной терминологии и даже имен собственных.

Как это ни досадно, оказывается, что белорусы еще не нашли даже общеприемлемого названия СП, ибо на титулах изданий читаем: *Свяшчэннае – Святое, Пісанне – Письмо, Завет – Запавет – Закон, Біблія – Бівлія – Библия*. Недопустимо многовариантным белорусские переводчики сделали само название Благой Вести: *Евагельле – Евангелле – Евангеле – Эвангеле – Эвангельле – Эванэлія*.

То же самое наблюдается по отношению к имени Бога нашего: *Іісус – Исус – Езус, Хрыстос – Хрыстус*; аналогично с именами евангелистов, пророков, апостолов, святых : *Матфей – Мацфей – Мацьфей – Мацьвей – Мацей – Матауш – Матэвуш, Марк – Марка – Марак, Лука – Лукаш, Іаан – Иоанн – Иоан – Яан – Ян, Грыгорый – Рыгор, Данііл – Даніл – Данель, Захарыя – Захары – Захара – Захар, Іакаў – Якаў – Якуб, Ілія – Ілля – Ілья – Іліяш – Гальяш, Іерамія – Іерэмія – Ярэма, Іосіф – Язэп, Ірад – Гірад – Герад – Герод, Маісей – Майсей – Масей – Маізей, Пётр – Пётар – Пятро, Фама – Хама – Тамаш, Яфрэм – Ахрэм...*

Не имеет никакой согласованности основная богословская терминология: *Гасподзь – Госпад – Госпадзь – Пан – Гаспадар – Усеспадар – Спадар – Уладар – Уладыка, Спас – Спасіцель – Ратаўнік – Збавіцель – Збаўца; Благавешчанне – Багавешчанне – Дабравесце – Добрая Вестка – Добрая Навіна – Зьвеставаньне; Ражджаство – Ражаство – Ражство – Раство – Божэе нараджэнне – Каляды; Праабражэнне – Перамяненне – Пераўвасабленне; Уваскрасенне – Уваскрэсенне – Уваскрэсьенне – Уваскрысьенне – Ускрэсьенне – Згробуўстанне – 3 мёртвых устаньне – Устанне з мёртвых; Суцяшыцель – Суцешнік – Пацяшыцель; Узнясенне – Узьнясьенне – Увазнясьенне – Унебаўшэсьце; ангел – анёл – анел – ангіл – анял...*

Основными причинами, обусловившими этот разноречивый, являются принадлежность переводчиков к разным конфессиям, а также отдаленность большинства из них от метрополии. Это в основном граждане Западной Белоруссии, т.е. Речи Посполитой периода 1921-1939 гг., а позже – эмигранты. Во многих случаях, кроме того, цели и задачи перевода были исходно «внецерковными».

Первую попытку перевести Евангелие на формирующийся белорусский язык сделал католический священник Ильдефонс Бобич в 1912-1921 гг., но признания она не получила. Аналогичен опыт греко-католика Болеслава Почебки. Перевод Нового Завета и Псалмов, замеченный и тиражируемый Зарубежными Библейскими обществами до сих пор, выполнил в 1926-1931 гг. по заказу баптистского пастора Луки Декуть-Малея при поддержке Британского Библейского общества деятель белорусского национального возрождения Антон Луцкевич. Данному переводу свойственно следующее: возник он тогда, когда белорусский язык не имел еще должной разработанности для такой функции; а появился как результат специфических устремлений миссионерских вкупе с народническими; его предназначение все-таки ограничивалось малочисленной и на то время в Белоруссии маргинальной средой протестантов, которая, к тому же, требовательностью к богословскому уровню перевода не отличалась. Поэтому закономерно, что переводчики ставили себе задачу сделать Священный Текст максимально доступным для восприятия “простого человека”, упрощая и приземляя как язык, так и содержание. В 1939 году появились Четыре Евангелия и Деяния Апостольские в переводе католического священника Винцента Гадлевского, который использовал свойственную сугубо польскому языку богословскую терминологию, да и словарный фонд религиозной сферы вообще, лишь в некоторых случаях «обелорушивая» их. Выполненный в Риме католическим священником Петром Татариничем перевод НЗ (1954) отличается явной преемственностью по отношению к В.Гадлевскому с одновременным использованием опыта белорусских

протестантов, что привело к очевидной эклектике. Указанное не менее заметно также в переводах отдельных книг Ветхого и Нового Завета, выполненных протестантом-методистом Яном Петровским, проживающим в США. На цели, задачи и, соответственно, результаты труда его в различных отношениях влияла эмиграция, отчужденная как от церковнославянского языка и (обще)русскости, так и от полноценной среды белорусского языка. Примерно те же языковые вкусы дали о себе знать и в переводе Напрестольного Евангелия, появившегося к 1000-летию Христианства на Руси. При всех благих намерениях переводчик – глава так называемой Белорусской Автокефальной Православной Церкви Николай (Мацукевич) – явно злоупотреблял средствами, не свойственными белорусскому языку, сложившемуся к концу XX века.

Из всех индивидуальных наработок довольно высоким уровнем выделяется – хотя и не введен пока в широкое обращение, т.к. издан лишь частично, к тому же в испорченном редакторами виде – опыт Михася Мицкевича, тоже эмигранта, родного брата классика белорусской литературы Якуба Коласа. Человек благочестивый, прочно вошедший в церковную жизнь, он перевел весь НЗ, а также Литургию св. Иоанна Златоуста и Часословец.

Полностью Библию на белорусский язык первым перевел (с помощью Моисея Гитлина) в 1973 г. неординарный, но весьма запутанный в своих теоретических взглядах, а еще больше в практических языкотворческих и лексикографических инициативах, филолог Янка Станкевич. Этому переводу присуща точность передачи синтаксических конструкций и в то же время – невероятная вольность в подборе лексики, особенно – не выдерживающее критики словотворчество. Переведена Библия, хотя издана не вся, также католическим священником Владиславом Чернявским. По сравнению с другими переводами белорусов-католиков, этот менее зависим от польско-католической традиции, включает больше свойственных природе белорусского языка понятий, определений, конструкций... Правда, при

изданиях перевод Чернявского существенно подпорчен многими редакторами.

Внимание общественности привлекли к себе появившиеся “на волне перестройки” переводы профессиональных писателей – Анатоля Клышки и Василя Сёмухи. Однако о большой значимости их говорить не приходится. Первый из них, имеющий в качестве образца русский перевод коллектива во главе с епископом Кассианом Безобразовым и формально отсылающий к “критическим изданиям”, в языковом плане фольклоризован и едва ли не сведен к “просторечию”. А второй выполнен наскоро с русского “синодального” текста (хотя указывается, что с церковнославянского). Причем в перевод этот привнесено множество серьезных ошибок, обусловленных отсутствием богословского образования, пренебрежением к сакральности текстов Писания, а установкой на некую “литературность”. Как нетрудно заметить, практически все усилия обоих переводчиков-литераторов направлялись на утверждение условного статуса национального языка, без должного учета его роли в сакральной сфере.

Сложившаяся ситуация со всей очевидностью требовала объединения усилий теологов и филологов для того, чтобы “... осуществить церковный перевод, который должен быть благословлен Церковью для использования за богослужением”. Так, отвечая на запросы времени и среды, сформулировал исходную задачу ББК возглавлявший ее митрополит Филарет в предисловии к первому, далеко не **безуныному**, результату работы [3]. Там же была указана и главная цель – “соборное выработка литургического стиля”, предполагавшая, как задачу-максимум, формирование такого варианта церковно-белорусского языка, который бы не разрушал древней славянской традиции, соответствуя при этом национальной языковой системе.

Итогом двадцатипятилетней работы ББК с обновленным составом стал ряд переводов Нового Завета [4], включая и богослужebное издание. Переводила Комиссия с древнегреческого оригинала, учитывая опыт

практически всех предшественников-белорусов, а также перетолкований на большинство иностранных языков. И постоянно стремилась к совершенствованию, поправляя результаты предыдущих этапов. Так, в перевод Евангелия от Матфея, выполненный первым составом ББК, внесено более 1800 правок; в свой уже перевод Евангелия от Марка – примерно 800; а потом все меньше: Евангелие от Луки – где-то 400, Евангелие от Иоанна – около 200... И при этом никто из членов Комиссии не считал, што все доведено до идеального состояния. Просто делалось то, что в наших силах.

Помимо СП, Комиссия перевела основные богослужебные тексты [5], составила белорусский именовслов, подготовила церковнославянско-белорусский словарь религиозных и богословских терминов [6]; на протяжении более двадцати лет выпускает белорусский православный календарь с соответствующими приложениями [7]. Практика актива ББК включает, кроме того, подготовку переводных и собственных материалов религиозной тематики для периодических изданий Церкви [8]. Отдельно следует отметить вклад протоиерея Сергия Гордуна, профессора Минских духовных школ, настоятеля церкви свв. Кирилла и Мефодия [9]. Это прежде всего благодаря ему осуществлен перевод Литургии, а также многих чинопоследований Православной Церкви, им же постоянно апробируемых в богослужебной практике; он составил основательный белорусскоязычный молитвослов, активно выступает в печати, по телевидению и радио.

ББК, разумеется, учитывала соответствующие наработки православных белорусов эмиграции. Между тем, как и в случае перевода СП, приходилось не столько опираться на них, сколько отталкиваться, поскольку наши зарубежники небрежно относились к церковнославянской традиции, связав ее с (велико)русскостью, а стремились как можно выразительнее фиксировать различия, даже вопреки современным нормам белорусского языка и всякому смыслу: *Анёл* (Ангел), *гаспадарства* (Царство), *добры* (Блаже), *запавет* (заповедь), *Засьненне* (Успение), *Збаўца* и *Ратавальнік* (Спаситель), *Зьмяненне* (Преображение), *Перадзідзец* (Предтеча), *Суцешнік*

(Утешитель), *Сьцяцьце* (Усекновение), *Узшэсьце*, *Узыйсьцё* (Вознесение), *Устаньне* (Воскресение), *Ян Багавед* (Иоанн Богослов) и т.п. [10].

Нельзя не отметить, что с начала 1990-х годов о своем преимущественном праве на использование “родного языка” заявили греко-католики эмиграции, считая себя истинными носителями “национальной веры”, из-за рубежа в Беларусь поставляя свои переводы литургических текстов и молитвословов [11]. Примерно в это же время к белорусскому языку стали обращаться и римо-католики. Их активность на первых порах более всего проявилась в создании белорусскоязычных издательств и органов периодической печати, в переиздании ранее выполненных католиками переводов СП [12]. А вот перспективы решение актуальных вопросов они связали с приверженностью сугубо польской языковой традиции, закрепившейся в богослужении на землях Беларуси. И пытались решить их соответствующим образом – с явным недоверием к языку белорусскому в функции сакрального и противопоставлением языку церковнославянскому, который рассматривался как идентификационный признак православных. Правда, такая ориентация римо-католиков со временем стала все-таки в некоторой мере корректироваться деятельностью небольшого коллектива, который возглавляет ксендз-магистр Владислав Завальнюк и переводам которого уже не столь свойственно стремление максимально отмежеваться от восточнославянской языковой традиции всех времен [13]. Весьма симптоматичны трезвые и самокритичные признания лидера этого коллектива, сделанные в его аналитической и публицистической одновременно книге “Родной язык в духовной жизни Беларуси”. Книга содержит вполне адекватную оценку опыта католической “белоруссизации”, в том числе и его личного вклада в конкретные дела: “Многие слова я вынужден был оставлять в литургических текстах только из-за того, что так хотела небольшая группа единомышленников. Многие временно и неудачно подобранные слова, от которых следовало давно

отказаться, стали основными и главными” [14]. Отраднo, что забота о формировании языка перевода СП осознается как общенациональная: “Ибо перед нами стоит очень важная задача: сделать книги Нового Завета общедоступными для всех христиан, независимо от деления на конфессии” [15]. А в связи с этим единственно правомерной является опора на собственные культурно-языковые традиции: “Будем совершенствовать в числе других народов и свою белорусскую конфессиональную литературу с учетом своих, белорусских, законов языка. И в первую очередь книги Святого Евангелия, которые должны одинаково служить, как и наш единый родной белорусский язык, каждому белорусу, независимо от конфессии” [16]. Особую значимость приобретает такие устремления при той аномальной реальности, когда все резче проявлялось конфессиональное двуязычие. Ксендз-магистр Завальнюк признал давно очевидную несуразность используемых в католическом богослужении фраз типа “*супакой Пана, няхай заўсёды будзе з вамі!*” (т.е.: *Успокой Пана, пусть всегда будет с вами*”), комментируя упражнения такого рода самокритично и покаянно: “Это обращение выглядит, скорее, как издевательство и унижение Господа Бога, нежели прославление Его (Здесь моя личная вина, что дал согласие употребить такую форму этого слова да и других в 90-е годы, когда готовились молитвеники и литургические тексты, однако и в наше время не так просто переменить взгляды представителей регионов. Покорно прошу прощения...)” [17].

Отраднo, что хоть одна переводческая группа католиков готова надлежащим образом относиться к законам именно белорусского языка, не отдавая предпочтения адаптированному польскому, через который вносятся элементы, не свойственные родной языковой стихии. Безусловно ценными являются высказанные рекомендации, как белорусским католикам “нужно говорить и писать” с учетом положительного опыта православных соотечественников. А именно: *Ісус Хрыстос, Гасподзь, Хрыстос Уваскрэс!*,

Архангел, Гроб Господні, Дзева, Евангелле, Прышэсце, Троіца, Узнясенне, Царства, Ялей ...[18].

Хотелось бы верить, что со временем все белорусские католики, включая их священноначалие, будут воспринимать такой путь формирования богослужебного языка как единственно правильный, хотя пока, к сожалению это не наблюдается.

В любом случае, никто не может игнорировать общенациональную традицию как материализацию вечности, которая охватывает и богослужение, и культуру, и просвещение как в истории, так и в современном состоянии.

Литература:

1. См.: Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. – М., 1999. С. 169.
2. Латушка Георгій, прот. Ерась альбо неабходнасць? Пра мову богаслужэння // Літаратура і мастацтва. 14.01.2000. С.13.
3. Евангелие Господа нашего Иисуса Христа (от Матфея) на четырех языках эллинском, славянском, российском и белорусском с параллельными местами . – Минск: Бел. Экзархат, 1991. С. 3.
4. Евангелие Господа нашего Иисуса Христа (от Матфея) на четырех языках эллинском, славянском, российском и белорусском с параллельными местами . – Минск: Бел. Экзархат, 1991; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Святое Евангелле паводле Марка. На чатырох мовах: грэчаскай, славянскай, рускай і беларускай. 3 паралельнымі месцамі. – Мн.: Бел. Праваслаўная Царква, Біблійнае Таварыства Рэспублікі Беларусь, 1999; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Святое Евангелле паводле Луці. На чатырох мовах: грэчаскай, славянскай, рускай і беларускай. 3 паралельнымі месцамі / Пераклад на беларускую мову Біблійнай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – Мн.: Бел. Праваслаўная Царква, Біблійнае Таварыства Рэспублікі Беларусь, 2003; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Святое Евангелле паводле Іаана. На чатырох мовах: грэчаскай, славянскай, рускай і беларускай. 3 паралельнымі месцамі / Пераклад на беларускую мову Біблійнай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – Мн.: Бел. Праваслаўная Царква, Біблійнае Таварыства ў Рэспубліцы Беларусь, 2005; Свяшчэннае Евангелле / Пераклад на беларускую мову Біблійнай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – Мн.: БПЦ, БТРБ, 2007; Свяшчэннае Евангелле / Пераклад на беларускую мову Біблійнай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – Гайнаўка.: Братчык, 2008; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Кніга пятая. Дзеянні святых Апосталаў. На чатырох мовах: грэчаскай, славянскай, рускай і беларускай. 3 паралельнымі месцамі / Пераклад на беларускую мову Біблійнай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – Мн.: Бел. Праваслаўная Царква, Біблійнае Таварыства ў Рэспубліцы Беларусь, 2010; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста / Пераклад на беларускую мову Біблійнай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – Мн.: Прыход Свята-Петра-

- Паўлаўскага сабора: Медыял, 2017; Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста // Пераклад на беларускую мову Біблійнай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы. – Мн.: Біблійнае Таварыства ў Рэспубліцы Беларусь, 2017.
5. Скарочаны малітваслоў. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, Бел. Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1998; Малібен за беларускі народ з акафістам святым мучанікам Віленскім Антонію, Іаану і Яўстафію. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1998; Малібен з малым водаасвячэннем і асвятчэннем іконы. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1999; Малітвы ранішнія // Беларускі праваслаўны каляндар - 2002. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2001; Малітвы вячэрнія // Беларускі праваслаўны каляндар -2003.– Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2002; Паследаванне да Святога Прычашчэння // Беларускі праваслаўны каляндар-2004. Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2003; Малітвы падзякі пасля Святога Прычасця. // Беларускі праваслаўны каляндар-2005.– Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2004; Праваслаўны малітваслоў /Пераклад прот. Сергія Гардуна. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2004.
  6. Звод імёнаў святых.– Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, Беларускае Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1995; Царкоўнаславянска-беларускі слоўнік рэлігійных і багаслоўскіх тэрмінаў // Царкоўнае слова. 2004. № 11 – 2005. № 4; Кароткі царкоўнаславянска-беларускі рэлігійны слоўнік // Беларускі праваслаўны каляндар. С. 131 – 142.
  7. Беларускі Праваслаўны каляндар. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, Беларускае Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1994 – 2018 гг.
  8. См., напр.: “Праваслаўе”, “Ортапрэс”, “Веснік Беларускага Экзархата”, “Царкоўнае слова”, “Ведомости Минской Митрополии”.
  9. Бажэственная Літургія /Пераклад прот. Сергія Гардуна. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, Праваслаўнае Брацтва Трох Віленскіх Мучанікаў, 1998 і 2001; Праваслаўны малітваслоў /Пераклад прот. Сергія Гардуна. – Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2004; Праваслаўны малітваслоў /Укладанне, пераклад і прадмова прот. Сергія Гардуна. – Мн.: Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, 2012.
  10. См.напр.: Службоўнік. Парадак сьвятых і боскіх літургіяў Яна Златавуснага й Васіля Вялікага / Пераклад мітрапаліта БАПЦ Мікалая (Мацукевіча). - Таронта, 1980;Беларускі праваслаўны малітоўнік. 2-е выданьне.Таронта: Кансысторыя Беларускай Аўтакефальнай Праваслаўнай Царквы, 1990; Беларускі Праваслаўны малітоўнік. Трэцяе выданьне (перадрук выдання БАПЦ). – Мінск: Тэхналогія, 1995; Беларускі праваслаўны каляндар на 2006 год. – Бруклін, Н.Ё.: Выдавецтва БАПЦ “Царкоўны пасланец”, 2005.
  11. См., напр.: Божым шляхам. Малітаўнік для беларусаў.– Рым, 1946 (Пераклад а. Льва Гарошкі); Боская Літургія між сьвятымі Айца Нашага Яна Златавуснага (Кніга для святара). – Лёндан: Бел. Кат. Царква Сьв. Апосталаў Пятра і Паўла, 1985, 1991 (Пераклад а. Аляксандра Надсона); Службы на розныя нагоды. – Лёндан: Беларуская Грэка- Каталіцкая (Уніяцкая) Царква Сьв. Апосталаў Пятра і Паўла, 1996 (Пераклад а. Аляксандра Надсона).
  12. Чатыры Эванэллі / Пераклаў кс. Вінцэнт Гадлеўскі Магістр Тэалогіі. – Гродна: Гродзенская Рымска-Каталіцкая Дыяцэзія, 1998; Новы Запавет / Пераклад айца Уладзіслава Чарняўскага. – Мн., 1999; Біблія. Пяцікніжжа. Пераклад кс. Уладзіслава Чарняўскага.–Мн.: Юніпак, 2002; Новы Запавет / Пераклаў на беларускую мову з Новай Вульгаты Уладзіслаў Чарняўскі. Навуковае рэдагаванне Жаны Некрашэвіч-Кароткай. Літаратурная апрацоўка тэкста Антонія Бокуна. – Мн.: Біблейскае таварыства ў РБ, 2003; Святое Евангелле/ Пераклад секцыі па перакладу літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла Камісіі Богажа Крыжа і дысцыпліны Сакрамэнтаў. – Мн: Про Хрысто, 2012;Новы Запавет /

- Пераклад са старажытнагрэцкай мовы Антонія Бокуна паводле Greek New Testament: Stephanus Textus Receptus, 1550; Кніга Прыпавесцяў/ Пераклад са старажытнагрэцкай мовы Антонія Бокуна паводле Пісанія (Ктувім), 1978. – Мн.: Пазітыў-цэнтр, 2016; Новы Завет / Пераклад з арыгінальнай мовы Секцыі па перакладу літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла Камісіі Божага Культы і дысцыпліны Сакрамэнтаў пры ККББ. – Мн.: Про Хрысто, 2017.
13. Завальнюк Уладыслаў, ксёндз-магістр. Каляндар хрысціянна. – Мінск: Касцёл св. Сымона і св. Алены, 2005; Евангелле/ Адказы рэдактар ксёндз магістр тэалогіі Біблейна-Пастаральнай, к.гіст.н. У. Завальнюк. Студыйная праца перакладу паводле “Biblia Tysiąclecia”/Студыйны тэкст для ўнутраных патрэб парафіі касцёла св.Сымона і св. Алены. Выданне другое (Першае выданне – 1997 г.). – Мінск, 2007; Завальнюк У. М., Прыгодзіч М.Р., Раманцэвіч В.К. Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы. – Мінск: Выд-ва Граўцова, 2013; Псалтыр / Складальнікі У.М.Завальнюк, М.Р.Прыгодзіч, В.К.Раманцэвіч; пад агул. рэд. М.Р.Прыгодзіча, У.М.Завальнюка. – Мінск, 2017; Завальнюк У.М., Раманцэвіч В.К. Слоўнік асабовых уласных імён. – Мінск: Народная асвета, 2017.
14. Завальнюк У. Родная мова ў духоўным жыцці Беларусі. – Мінск, 2008. С.5.
15. Там же. С. 67.
16. Там же. С 85.
17. Там же. С. 35.
18. Там же. Сс. 22, 41,9,37, 59, 25, 85, 31,33, 63, 65.